

ПОРТРЕТЫ ДЕЯТЕЛЕЙ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

А.Я.Лурье

М.: госполитиздат. 1956

Веб-публикация: Vive Liberta, 2010
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Содержание

Введение В.С.Алексеева-Попова

Луи Эжен Варлен

Лео Франкель

Огюст Серрайе

Теофиль Шарль Ферре

Рауль Риго

Гюстав Флуранс

Шарль Делеклюз

Луиза Мишель

Ярослав Домбровский

Валерий Врублевский

Елизавета Дмитриева

Анна Корвин-Круковская

Документы, исследования, публицистику,
посвященные Парижской коммуне 1871 года и отдельным ее деятелям,
можно читать и скачивать здесь, в специальном разделе нашей библиотеки:
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

а также

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>

а также

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/folk_1.htm#commune

а также

http://community.livejournal.com/znanie_vlast/

а также

<http://politazbuka.ru/>

ЛУИ ЭЖЕН ВАРЛЕН

(1839—1871)

Одним из создателей парижских секций Интернационала, неутомимым пропагандистом решений его конгрессов, деятелем французского рабочего движения, боровшимся за организацию и сплочение пролетариата, активным участником Коммуны был Луи Эжен Варлен.

Эжен Варлен родился 5 октября 1839 г. в деревушке Вуазен (округ Клёз департамента Сены-и-Марны), в семье бедного крестьянина. Отец его, Эме Варлен, имел маленький домик и клочок земли, но у него не было лошади, чтобы обрабатывать эту землю. Эме большую часть времени батрачил, занимаясь работать к другим, зажиточным крестьянам: вскапывал землю, ухаживал за виноградниками, косил траву, стриг овец. Он был готов на любой тяжёлый труд, только бы прокормить семью.

Старший из его трёх сыновей, Эжен, учился в школе местечка Клёз и проявлял большие способности, но уже в тринадцать лет ему пришлось бросить школу: отец решил, что мальчику пора изучить какое-нибудь ремесло, чтобы зарабатывать себе на жизнь. Он привёз Эжена в Париж, определил его в мастерскую одного переплётчика на улице Пон-де-Лодн и уехал.

Тяжело пришлось мальчику на первых порах: хозяин буквально морил голодом своих учеников и грубо с ними обращался. В Париже жил дядя Варлена, переплётчик Ипполит Дюрю. Он решил взять Эжена к себе. Но мальчику жилось у него несколько не лучше, чем у прежнего

хозяина. Дюрю подметил, что Эжен увлекается чтением и слишком часто заглядывает в книги, вместо того чтобы их переплетать. Заставая племянника за чтением, Дюрю всякий раз осыпал его бранью и упрёками. Кончилось тем, что он однажды выставил Эжена за дверь и навсегда с ним расстался. Это произошло 10 декабря 1854 г. После этого Эжен переменял ещё несколько хозяев. С течением времени он стал отличным переплётчиком и так хорошо себя зарекомендовал, что в дальнейшем получал работу в мастерской поставщика императорского двора.

Любознательный и способный юноша сильно страдал от того, что не получил даже самого элементарного образования. Он задался целью пополнить эти досадные пробелы и всё свободное от работы время посвящал чтению и занятиям. Он посещал музеи и библиотеки Парижа, много читал, писал, размышлял. Он усердно изучал историю, литературу, правовые науки и политическую экономию. Он горел неутолимým желанием всё узнать, понять и усвоить: математику, механику, анатомию, физиологию... Усидчивые занятия стоили ему многих бессонных ночей.

Наконец, Варлен, когда ему исполнился двадцать один год, решил поступить в вечернюю школу «Филотехнического общества» (общества содействия народному образованию). Нисколько не смущаясь, Варлен сел на школьную скамью рядом с малыми ребятами. Во время учения он проявил огромное терпение, настойчивость и трудолюбие.

Так Варлен после тяжёлого рабочего дня в мастерской находил возможность учиться и дома и в школе. Кроме того, он брал уроки стенографии и пения. Он очень любил музыку и обладал недурным голосом.

В конце 1860/61 учебного года Варлен, будучи одним из первых учеников, получил несколько наград на торжественном акте в присутствии министра народного просвещения.

По окончании курсов Варлен задумал изучать латинский и греческий языки, чтобы иметь возможность читать в подлиннике великих писателей древности, и стал брать уроки у муниципального служащего Андрие (в будущем — члена Коммуны). Но Варлену так и не удалось довести до конца своё намерение, так как вскоре он стал

отдавать всё свободное время борьбе за права угнетённых рабочих, которая захватила его целиком. Это произошло в те годы, когда рабочий класс Франции, воспрянувший духом после июньского поражения 1848 г., вновь начал борьбу.

Основанием к этому послужил жестокий экономический кризис, охвативший в 1857 г. французскую промышленность. Истрадавшиеся рабочие переходят к энергичным действиям и, несмотря на суровые законы, делают попытки к объединению. Начинают возникать рабочие организации под «невинным» названием «кооперативных обществ взаимного кредита».

Варлен принял энергичное участие в создании такого рода кооперативного общества переплётчиков. Вскоре общество предъявило предпринимателям следующие требования: «Вместо 12-часового рабочего дня — 10-часовой; в случае болезни или безработицы — обязательное оказание материальной помощи рабочим».

Учитывая растущую активность рабочих, а также общий подъём демократического движения в Европе, Наполеон III был вынужден пойти на уступки и разрешить создание кооперативных обществ.

Однако, разрешая их создание, правительство Наполеона III следило внимательно за тем, чтобы они не занимались политикой. Во главе каждого такого кооперативного общества в качестве председателя должен был обязательно стоять человек, преданный правительству и неусыпно контролирующий деятельность рабочих. Был такой бонапартистский ставленник и агент, обладавший неограниченной властью, и в «Обществе переплётчиков», в которое входил Варлен. Варлен, избранный в Совет общества, при поддержке товарищей открыл энергичную кампанию против устава, предоставлявшего председателю-бонапартисту неограниченные права, и в конце концов добился изменения его.

В 1861 г. Варлен был выдвинут в комиссию по отбору делегатов на первую Всемирную выставку, которая должна была состояться в Лондоне в следующем году. Правительство Наполеона III вело тогда политику заигрывания с рабочими, притворно изображая себя «покровителем» и «защитником» их интересов; поэтому оно согласилось на отправку в Лондон рабочей делегации. В течение лета и начала осени 1862 г. несколько групп фран-

цузских делегатов одна за другой — всего двести человек — выехали в Лондон на выставку.

Поездка эта произвела на французских рабочих сильнейшее впечатление. Они убедились, что условия труда английских рабочих лучше, чем условия труда французского пролетариата, и что немало способствовала этому организованность рабочего класса, достигнутая благодаря наличию крепкой профессиональной организации (тред-юнионов).

Поездка на Лондонскую выставку явилась поводом для сближения между рабочими разных стран.

Во время этой первой товарищеской встречи зародилась и начала зреть великая идея Международного Товарищества Рабочих.

Летом 1862 г. Варлен решил, наконец, устроиться самостоятельно, чтобы иметь возможность брать заказы на дом и заниматься. За 90 франков он приобрёл кровать, комод, стол, тюфяк и поселился в мансарде на улице Дофин, № 33. Варлен вёл очень скромный образ жизни: целый день трудился без усталости, переплетая книги в бархат, телячью кожу или сафьян, а затем занимался.

«Он был высоким, слегка сутулым... Густые, отброшенные назад волосы открывали чудесный лоб. В чёрных живых глазах отражалась кротость, соединённая с энергией. Благодушный и скромный почти до робости, Варлен всегда внимательно выслушивал до конца своего собеседника и только тогда высказывал собственное мнение. Тот, кто видел его хотя бы один раз, уже никогда не мог его забыть!»¹

Серьёзный, вдумчивый и уравновешенный, полный сосредоточенной энергии, Варлен производил на всех, с кем ему приходилось встречаться, неотразимое впечатление. Ключере (будущий деятель Коммуны), познакомившийся с ним в тюрьме, писал:

«Варлен побеждал людей своими глазами. Во всю свою жизнь мне никогда не случалось видеть подобных глаз! Они были не очень велики, но в них горел такой огонь, что к ним тотчас приковывалось ваше внимание, и вы вскоре начинали чувствовать к нему уважение и привязанность. Эти небольшие чёрные, полные жизни

глаза светились добротой, честностью и умом, взор их пропикал в вас насквозь...»¹.

По вечерам в комнате Варлена нередко собирались товарищи, горячо споря или мирно обсуждая всевозможные экономические и политические вопросы.

Одним из вопросов, волновавших тогда французское общество, были выборы 1864 г. в Законодательный корпус. Варлен и его друзья горячо высказывались за то, что рабочие должны иметь там своих представителей, которые могли бы защищать в парламенте интересы своего класса. Опубликованный в газетах знаменитый «Манифест 60» (подписанный 60 рабочими), требовавший избрания рабочих в качестве депутатов, произвёл сильнейшее впечатление и вызвал ярость буржуазной прессы и депутатов. Хотя первая рабочая кандидатура, выдвинутая на выборах, провалилась, но республиканская оппозиция смогла победить только при поддержке рабочих голосов. Это было ощутительным ударом, нанесённым сообщением бонапартистской реакции!

В мае 1864 г. правительство Наполеона III, желая привлечь на свою сторону рабочих и использовать их поддержку в борьбе с крепнувшим республиканским движением, провело закон, разрешавший устройство стачек и организацию рабочих союзов.

Спустя несколько месяцев, в августе 1864 г., началась стачка переплётчиков. Варлен принимал живое участие в работах комитета, руководившего этим выступлением. Рабочие требовали уменьшения рабочего дня с 12 до 10 часов, подённой платы за 10 часов работы, как за 11 часов, 25 % надбавки за сверхурочные часы. Стаечный комитет указывал в своём заявлении, что существующий размер рабочего дня делает жизнь для рабочих, имеющих семьи, невыносимой; особенно тяжелы и непродуктивны ночные часы работы, вредные для здоровья; указывал, что от безработицы страдает множество рабочих и что в конце концов сами хозяева должны быть заинтересованы наравне с рабочими в облегчении условий жизни и труда последних. В конце августа большинство хозяев пошло на уступки. Первая забастовка была выиграна! В сентябре 1865 г. началась новая забастовка переплётчиков, которой руководил тот же комитет. Варлену было пору-

¹ E. Faillet, Biographie de Varlin, Paris 1885, p. 15.

¹ Cluseret, Mémoires, v. III, Paris 1888, p. 232.

чено заботиться о голодающих семьях безработных. Он прилагал огромные усилия, чтобы как-нибудь облегчить страдания семей забастовщиков. День и ночь бегал он с подписным листом по Парижу, собирая для них деньги, был неутомим и изобретателен в изыскании средств.

Когда забастовка окончилась, участники её оказались в критическом положении, так как сильно задолжали. Надо было раздобыть 4 тысячи франков — колоссальную сумму по тому времени! «Варлен никогда в жизни не видел таких денег. Этот бедняк, не имевший никогда самого необходимого, позволявший себе тратить на завтрак не больше 11 су и большей частью не обедавший, стиравший сам своё бельё и ходивший в обтрёпанной одежде, совершил чудо: собрал полностью все 4 тысячи франков и аккуратно, копейка в копейку, оплатил все долги своих товарищей!»¹.

В результате стачки переплётчикам удалось добиться уменьшения рабочего дня с 12 до 11 часов и повышения почасовой оплаты. Они были очень довольны своей победой над предпринимателями и преподнесли Варлену серебряные часы с выгравированной надписью:

«Варлену — в знак признательности от рабочих-переплётчиков. Сентябрь 1864 г.».

Рассказывали, что этот подарок был деликатной попыткой некоторых товарищей как-нибудь облегчить сильную нужду Варлена, который и слушать не хотел ни о какой денежной помощи. Надеялись, что в критическую минуту Варлен заложит или продаст эти часы, но он и не подумал этого сделать и до самой смерти бережно хранил дар товарищей.

Предприниматели жестоко отомстили Варлену: перед ним закрылись двери всех мастерских. Пришлось затратить много энергии в поисках работы на дом...

Стачную борьбу вели не только парижские переплётчики: на борьбу с капиталистами, с правительством Наполеона III поднимался весь французский пролетариат. Стачки происходили повсюду — в Лионе, Крезе, Руане...

В начале 1865 г. в Париже возникла первая секция Интернационала. По рекомендации своего друга, пере-

плётчика А. Клеманса, Варлен был принят в секцию в числе первых двухсот членов. Парижское бюро Интернационала, возникшее в начале 1865 г., помещалось в центре города, на улице Гравилье, № 44, в скромном помещении с убогой обстановкой. Варлен вошёл в комиссию, избранную в помощь Бюро.

«...В маленькой комнате Бюро... собиралась группа рабочих, членов Интернационала (красильщик Малон, механик Мюра, бронзовщик Камелина, резчик Ландрен и другие); они слушали лекции... архитектора Шемале и Пьера Дени. Дени был ярым поклонником Прудона. В результате этих бесед Варлен и его друзья стали прудонистами... Однако Варлен по своей натуре был человеком действия. В нём слишком сильно было развито чувство реальности, чтобы его могли долго занимать теоретические дискуссии»¹.

В годы Второй империи прудонизм широко проник в среду французского пролетариата, внушая ему идею о необходимости примирения с существующей действительностью и глуша всякую мысль о самостоятельном политическом выступлении. Прудонисты убеждали рабочих, что не их дело вмешиваться в политику, так как им следует всю энергию сосредоточить на защите своих экономических интересов, что единственно реальным средством для улучшения их жизни является система взаимопомощи, то есть создание «обменных банков», обществ взаимного кредита, потребительских и производственных кооперативов, которые якобы дадут возможность рабочим постепенно приобрести орудия производства в полное владение «мирным путём», без революции. Так прудонисты стремились подменить подлинно революционную борьбу рабочего класса реформаторством.

Варлен полагал, что при первых шагах рабочего движения полезно решительно всё, что способно содействовать объединению рабочих. «Тяжёлые усилия в лучшем случае приведут к паллиативу, а в конечном итоге к отрицательному результату, — говорил Варлен, — и тогда они (рабочие. — А. Л.) захотят радикальных реформ, которые одни только могут принести им свободу»².

¹ I. Gaumont, De l'Internationale à la Commune; Eugène Varlin, «La revue socialiste, syndicaliste et coopérative», 15 juin 1913, p. 516—517.

² E. Faillat, Biographie de Varlin, p. 19.

¹ M. Foulon, Eugène Varlin, Clermont-Ferrand 1934, p. 34.

Вместе с тем Варлен был убеждён в необходимости революционного свержения буржуазного правительства без чего, по его мнению, рабочий класс не может прийти к своему освобождению.

Но как подготовить эту революцию? «Путём объединения, организации пролетариев в синдикаты, кооперативы, политические общества», — отвечал Варлен. «В этих организациях рабочие научатся обсуждать и вести свои дела, отстаивать свои интересы, приобретут навыки в управлении и администрации, — и, когда наступит революция, сумеют взять в свои руки фабрики и заводы»¹.

В течение некоторого времени Варлен продолжал оставаться прудонистом, повторяя затверженные идеи.

«Потребительские общества, Общества взаимного кредита и другие практически являются, — говорил он, — почти единственным средством освобождения пролетариата»². Варлен немало потрудился в этом направлении. В декабре 1867 г. при активном участии Варлена на средства рабочих было создано кооперативное общество столовых — «Marmite» («Котёл»), где рабочие могли получить по себестоимости сытный обед (по желанию — в столовой или на дом). Рабочая столовая имела большой успех. Варлена немедленно избрали председателем этого общества. В этих столовых рабочие собирались, происходил живой обмен мнений, там же скрытно велась и политическая работа.

Но этого было мало: рабочим нужна была своя, рабочая газета, которая бы освещала их жизнь, защищала их интересы. Варлен давно уже отстаивал эту мысль и, наконец, осуществил её. 4 июня 1865 г. дружными усилиями Варлена и некоторых других активных членов Интернационала (Лимузена, Фрибура, Бурдона, Толена, Мюра) удалось выпустить первый номер «воскресной литературной и научной газеты» «La Tribune ouvrière» («Рабочая трибуна»). Уже в первом номере редакция заявила, что в газете все вопросы будут освещаться с чисто рабочей точки зрения. «Надо показать всем этим образованным господам, слишком быстро возомнившим себя божками, что рабочие могут создать в своей собствен-

ной среде неплохих писателей, способных защищать идеи прогресса и освобождения».

Но уже после четвёртого номера (25 июня) «La Tribune ouvrière» была запрещена за резкую статью Лимузена о чрезмерной дороговизне платы за квартиру. Издание газеты под другими названиями продолжалось четыре месяца, то есть до тех пор, пока не иссякли собранные денежные средства.

С огромным воодушевлением работал Варлен в Бюро Интернационала. Он проявил блестящие организаторские способности. По утверждению Мориса Домманже, в этот период Варлен «один привлёк к парижской секции Интернационала три четверти её членов»¹. (В конце 1865 г. в организации было уже 500 членов.)

С большим нетерпением Варлен ожидал созыва Первого конгресса Интернационала, но в 1865 г. удалось созвать только конференцию в Лондоне. В конце сентября 1865 г. Варлен, избранный делегатом на конференцию, поехал в Лондон. Тут он познакомился с Марксом. Основным вопросом, обсуждавшимся на конференции, была повестка дня будущего конгресса. Так как состав присутствовавших делегатов был очень пёстрым, то обсуждение повестки дня носило чрезвычайно бурный характер.

Парижским прудонистам в результате противодействия Маркса и его сторонников не удалось провести на конференции своего предложения о том, чтобы в Интернационал принимались только люди физического труда, и о том, чтобы признать политические вопросы чуждыми целям Интернационала.

Прудонисты протестовали против внесения в повестку дня будущего конгресса обсуждения польского вопроса и не захотели поддержать резолюцию о восстановлении независимой Польши на демократических основах, принятую большинством конференции. Конференция открыто показала, что отказ прудонистов от политической деятельности ведёт к игнорированию национально-освободительной борьбы польского народа. Не захотели прудонисты выступить и с осуждением политики царского самодержавия, душившего революционное движение в Польше. Маркс и Энгельс осудили эту вредную для революционного рабочего движения позицию.

¹ Морис Домманже, Коммунар Варлен (1839—1871), Л. 1927, стр. 38—39.

² Adolphe Clémence, Eugène Varlin, «La revue socialiste», № 5, 1885, p. 416.

Кратковременное пребывание в Лондоне не дало Варлену возможности по-настоящему сблизиться с Марксом. Варлен оставался прудонистом. Несмотря на свой боевой темперамент и искреннюю преданность рабочему делу, он продолжал относиться к революционной программе научного коммунизма с известным предубеждением: «прудонистская отрывка» слишком прочно засела во всех «гравильерах» — французских членах Интернационала, и не так-то легко было от неё освободиться даже Варлену.

Варлен искал свой, «особенный» путь. Он был не теоретиком, а практиком, прирождённым организатором. Следуя пролетарскому, революционному инстинкту, он уходил всё дальше и дальше, «левее» от остальных прудонистов.

По приезде из Лондона Варлен выступил (29 июля 1865 г.) на большом банкете в садах Элизэ-Менильмонтан перед семьями слушателей с яркой речью, которая произвела сильное впечатление на присутствовавших. Он с жаром призывал «бороться изо всех сил с невежеством, рутиной и предрассудками — величайшими препятствиями на пути к прогрессу», указывал на необходимость воспитания и образования народных масс. Речь свою Варлен закончил следующими словами: «Материальное освобождение трудящихся невозможно без их морального и умственного освобождения! Вот почему я предлагаю следующий тост: «За умственное освобождение рабочих!»»¹.

В 1866 г. в Женеве состоялся Первый конгресс Интернационала. Французская делегация была весьма многочисленна. В большинстве своём она состояла из прудонистов. В числе делегатов конгресса находился и Варлен, посланный парижскими рабочими. На этом конгрессе сразу же выявилось расхождение между сторонниками линии Генерального совета (английские, американские и германские делегаты) и французской прудонистской делегацией (поддержанной швейцарцами). Основными вопросами, по которым разгорелась борьба, были вопросы о роли рабочей кооперации, о профсоюзах, об организации рабочего дня, о женском и детском труде и польский вопрос. Прудонисты, как и следовало ожидать, пытались провести свои излюбленные принципы (невмешательство рабочих в политику; кооперация — универсальное средство

мирного разрешения всех противоречий между трудом и капиталом и т. д.). Но боевая, революционная, пролетарская точка зрения восторжествовала. После горячей дискуссии конгресс принял предложенные К. Марксом резолюции, имевшие большое политическое значение. Особое значение имела резолюция о профессиональных союзах, направленная не только против прудонистов (отрицавших любую организацию рабочего класса) и лассальянцев (пренебрегавших его профессиональной организацией), но и против ограниченного тред-юнионизма англичан, сводившего всю деятельность рабочих организаций к борьбе за мелкие реформы в рамках капиталистического общества. Эта резолюция, пояснял В. И. Ленин, «точно указала значение экономической борьбы, предостерегая социалистов и рабочих, с одной стороны, от преувеличения ее значения (заметного у английских рабочих в то время), с другой стороны, от недостаточной оценки ее значения (что замечалось у французов и у немцев, особенно у лассальянцев)»¹.

Французские прудонисты пытались прибегнуть к неблагоприятному способу борьбы, снова предложив не принимать в члены Интернационала «работников умственного труда». (Это предложение было в первую голову направлено против Маркса и Энгельса.) Но они встретили горячий отпор со стороны английских и немецких делегатов и потерпели в этом вопросе поражение. Своё впечатление от конгресса Маркс так формулирует в письме к Л. Кугельману:

«...Я очень опасался за первый конгресс в Женеве, но вопреки моему ожиданию он прошел в целом хорошо. Влияние его во Франции, Англии и Америке превзошло все ожидания... У господ парижан головы набиты пустейшими прудонистскими фразами. Они болтают о науке, а сами ничего не знают. Они презрительно относятся ко всякому *революционному*, т. е. вытекающему из самой классовой борьбы, действию... Прудон принес громадный вред. Сначала его мнимая критика и его мнимая противоположность утопистам... захватила и подкупила «блестящую молодежь», студентов, потом рабочих, особенно парижских, которые, будучи заняты производством предметов роскоши, сильно тяготятся, сами того не сознавая, к старому

¹ М. Foulon, Eugène Varlin, p. 52.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 158.

хламу. Невежественные, тщеславные, претенциозные, болтливые, надутые ложным пафосом, они чуть было все не испортили...»¹. Именно поэтому Маркс не мог не оценить положительную роль «меньшинства» французской делегации (Варлен, Бурдон), которое трезво и разумно восстало против некоторых неправильных положений прудонистского «большинства». Так, например, по вопросу об обучении детей Варлен выступил против проекта французской делегации, требовавшего, чтобы дети воспитывались и обучались под контролем отца, а не общества.

Это требование прудонистов вытекало из их отрицательного отношения к деспотическому государственному режиму империи Наполеона III. Анархистски отрицая необходимость существования государства, они возражали против права государства на воспитание детей. Варлен выступил на конгрессе с критикой этого положения и противопоставил ей свою точку зрения. «Конечно,— возражал Варлен,— и мы хотим, чтобы отец контролировал воспитание своих детей. Но если даже изнурительная работа на производстве и даст ему кое-какую возможность урвать время для одного ребёнка,— где же он возьмёт время для других детей?.. А что же делать тем детям, родители которых вовсе не интересуются их участью? Нет, здесь должно вмешаться только общество!»²

Опасение того, что личность может быть подавлена государством, исчезнет, если государство не будет уже деспотическим, абсолютистским и если воспитание будет подчинено всенародной воле в истинно демократическом обществе. «В сущности, свобода преподавания... заставит педагогов быть на высоте современных научных знаний. Это несколько не устранил руководящей роли родителей, причём все дети будут иметь возможность учиться»³.

По вопросу о женском труде Варлен также выступил на конгрессе с особой точкой зрения: признавая всю вредность и аморальность условий труда женщин в современных фабричных условиях, он утверждал, что нельзя лишать трудящуюся женщину права зарабатывать себе на жизнь честным путём; что надо не устранять женщин с

производства, а улучшить общие условия труда. Однако конгресс всё-таки постановил осудить женский труд и принял по этому вопросу резолюцию прудонистского большинства, в которой, между прочим, указывалось: «Место женщины — в семье; её задача — воспитывать ребёнка»¹.

По важнейшим вопросам конгрессом были приняты следующие решения:

1. Международное Товарищество Рабочих должно объединить усилия пролетариев всего мира в борьбе труда с капиталом.

2. Ограничение рабочего дня 8 часами является обязательным условием, без которого всякие попытки улучшения жизни рабочих и их освобождения окажутся бесплодными. (Этот пункт вызвал сильнейшую дискуссию, причём французы-прудонисты утверждали, что законодательство не должно вмешиваться в этот вопрос, что в каждой стране производственные условия различны, и заявили, что они против какой бы то ни было регламентации; встретив энергичный отпор, они были вынуждены уступить и поддержать требование 8-часового рабочего дня.)² Принят был особый пункт об ограничении труда детей и подростков в сочетании с обязательным всеобщим и профессиональным обучением, а также предложение об охране труда женщин.

3. По вопросу о кооперации конгресс утвердил антипрудонистскую резолюцию, в которой, признавая кооперацию «одной из преобразующих сил современного общества, основанного на классовом антагонизме», указывал, что она не в состоянии никогда преобразовать капиталистическое общество. Для этого «необходимы социальные изменения общего характера, изменения общих социальных условий, что возможно лишь в том случае, если государственная власть перейдёт из рук капиталистов и помещиков в руки трудящихся, производителей»³. В противоположность прудонистам конгресс признал необходимым создать массовые боевые организации пролетариата — профессиональные союзы.

Конгресс утвердил устав Международного Товарищества Рабочих.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 440—441.

² E. Faillat, Biographie de Varlin, p. 28.

³ I.-L. Puech, Le Proudhonisme dans l'Association internationale des travailleurs, Paris 1907, p. 128—129.

¹ «I-er Congrès ouvrier», Genève 1866, p. 20.

² Ibid., p. 18, 19.

³ «The International Working Men's Association Resolutions of the Congress of Geneva 1866», London 1866, p. 7.

Решения Женевского конгресса были первой победой программных и организационных принципов марксизма в I Интернационале и укрепили позицию Маркса и его сторонников.

В своих корреспонденциях в газету «Mutualité» (орган труда и кооперации) Варлен с увлечением описывал воодушевление, царившее на Женевском конгрессе — этой первой осязательной и наглядной демонстрации международной солидарности. «В первый раз,— писал он,— рабочие разных стран имели возможность встретиться, чтобы совместно изучить способы улучшения своей участи! Естественно, что в порядок дня были поставлены всевозможные социальные вопросы. ...Обширность программы не позволила посвятить должное время каждой проблеме. Если к этому добавить, что дебаты на трёх языках были затруднительны, а перевод отнимал немало времени, то следует посчитать за счастье, что за несколько дней удалось принять столько серьёзных решений... В общем... все делегаты явились с твёрдым намерением что-либо осуществить и не теряли времени на длинные дискуссии и на изложение более или менее остроумных теорий, а стремились к практической цели. Слишком уже долгое время водили за нос рабочих громкими словами и напыщенными фразами. Сейчас они хотят [не слов, а] действий!»¹ Это настроение разделяли все делегаты — французы, швейцарцы, англичане, немцы. Все радовались, поздравляли друг друга. Впечатление от конгресса было незабываемым: идея Интернационала торжествовала! Варлен, вернувшись с конгресса, стал энергично выступать в защиту решений, принятых в Женеве.

Варлен толкал Парижское бюро Интернационала на путь активной борьбы, и, несмотря на отрицательное отношение прудонистов к стачечному движению, нередко им не оставалось ничего иного, как следовать за ним. Так было, например, в марте 1867 г., во время стихийного выступления рабочих фабрики в городе Рубэ, вызванного введением новых машин. По настоянию Варлена Бюро решило помочь им и опубликовало в печати призывы о помощи рабочим в Рубэ. В апреле в связи с начавшейся стачкой

горнорабочих предприятий в Фюво появился пламенный призыв за подписью Варлена и двух других членов Интернационала — Толена и Фрибура.

Популярность Парижского бюро Интернационала в массах непрерывно возрастала. Особенно сильно содействовала этому решительная позиция Бюро во время стачки бронзовщиков. Рабочие-бронзовщики основали общество взаимного кредита. Но фабриканты, заподозрив, что общество основано с целью борьбы с ними, потребовали, чтобы рабочие немедленно вышли из состава этого общества, пригрозив в противном случае рассчитать их. В ответ на это бронзовщики объявили стачку. Варлен, Толен и Фрибур опубликовали воззвание, в котором заявляли: «В данном случае дело идёт уже не о заработной плате. Требуя от рабочих, чтобы они покинули общество, основанное ими для защиты своих прав, хозяева подняли этим принципиальный вопрос, ибо подобное требование является покушением на свободу труда и на личное достоинство рабочих». Толен и Фрибур поехали с делегатами от бронзовщиков в Лондон и получили у Генерального совета Интернационала помощь бастующим в размере нескольких тысяч франков. Фабриканты были ошеломлены. Твёрдо уверенные, что «таинственный» Интернационал располагает колоссальными средствами, они пошли на попятную. Эффект этой победы был громадный.

В 1867 г. Варлен был избран делегатом от переплётчиков на Всемирную парижскую выставку 1867 г. На общем собрании общества взаимного кредита переплётчиков Варлен высказался за участие в выставке, но категорически протестовал против того, чтобы рабочие пользовались денежным пособием правительства.

«Если мы хотим сохранить независимость,— воскликнул он,— и иметь возможность свободно выражать свои убеждения и впечатления, мы должны отвергнуть всякое «покровительство» властей и организовать посылку делегатов на свой счёт!»¹ Тут же, по его предложению, была открыта подписка на сумму, необходимую для расходов по посылке делегации.

В течение 1866—1867 гг. Франция переживала тяжёлый торгово-промышленный кризис, который поразил все

¹ «Révue du Travail et des Sociétés coopératives», «La Mutualité», 15 octobre 1866.

¹ М. Foulon, Eugène Varlin, p. 72.

основные отрасли французской промышленности; больше всего от кризиса пострадала лёгкая промышленность. В годы кризиса резко ухудшилось положение рабочих, особенно парижского пролетариата, занятого работой в наиболее пострадавших от кризиса отраслях промышленности. Резко упала заработная плата, увеличилась безработица, сильно возросло стачечное движение.

Под влиянием растущего рабочего движения, а также под влиянием принципиальной революционной борьбы Маркса и его сторонников в I Интернационале с непролетарскими течениями среди прудонистского лагеря наметилось расхождение: образовалось левое крыло, к которому принадлежал Варлен и ряд других деятелей, занимавшее по ряду вопросов рабочего движения (таких, как признание необходимости политической борьбы, участие в стачках и др.) правильную позицию. В то время как правые прудонисты во главе с Толеном всё более удалялись от участия в революционном движении, левое крыло прудонистов было тесно связано с рабочим классом Франции. Масса рабочих начала понимать, что осуществление её классовых интересов связано с борьбой против существующего политического строя.

Под влиянием растущей активности народных масс парижские члены Интернационала решили отныне принимать участие в антиправительственных кампаниях буржуазных республиканцев. Одним из первых политических выступлений французских пролетариев был открытый протест против предпринятой правительством Наполеона III военной экспедиции в Италию. Целью этой экспедиции была поддержка светской власти папы Пия IX в его борьбе против национально-освободительного движения под руководством Гарибальди.

2 ноября 1867 г. парижские члены I Интернационала приняли участие в манифестации парижских республиканцев на могиле известного деятеля итальянского национально-освободительного движения — Манина, умершего в изгнании в Париже.

Видя безуспешность своей политики заигрывания с французскими рабочими, правительство Наполеона III изменило тактику и перешло к репрессиям. Оно решило покончить с Интернационалом. В 1868 г. всё Парижское бюро Интернационала было арестовано и предано суду по обвинению в принадлежности к не дозволенной законом

ассоциации, числом более 20 человек. Правительство воображало, что оно одним ударом отрубило головы «революционной гидре». Но парижская организация Интернационала ответила на это выборами новой комиссии. Были избраны Варлен (переплётчик), Бурдон (гравёр), Бенуа Малон (красильщик) и другие. В большинстве своём комиссия состояла теперь из левых прудонистов, более революционных, чем их предшественники, из сторонников активной политической борьбы рабочих за свои права. Таков был результат, которого правительство достигло своими действиями. Решением суда общество (Интернационал) было объявлено распущенным, а обвиняемые подвергнуты 100-франковому штрафу и месячному тюремному заключению.

В том же месяце — в марте 1868 г. в Женеве вспыхнула грандиозная стачка рабочих-строителей, требовавших повышения заработной платы и получивших отказ. Большинство рабочих было членами Интернационала. Это обстоятельство вызывало ещё большее озлобление хозяев. Бастующие оказались в отчаянном положении и стали вызывать о помощи к организациям Интернационала в Лондоне, Париже, Брюсселе и т. д.

5 апреля Варлен от имени Парижского бюро Интернационала поместил в газете «Opinion nationale» («Общественное мнение») сообщение, что у него на квартире открыта подписка в пользу бастующих женевских строителей. Он организовал выпуск воззвания к рабочим всех профессий. По всему Парижу из рук в руки передавались подписные листы. Рабочие — строители, литографы, печатники, жестянщики и т. д. — представители всех профессий с жаром откликнулись на призыв. Варлен проявил необычайную инициативу и энергию. В течение нескольких дней была собрана значительная сумма (10 тысяч франков), которую Варлен торжественно вручил представителям женевских стачечников. Стачка была выиграна! Это было новым блестящим проявлением международной солидарности пролетариев всего мира.

Весной 1868 г. правительство возбудило новое преследование секций I Интернационала. 22 мая 1868 г. вторая комиссия Парижского бюро Интернационала в составе Варлена, Малона, Бурдона, Комбо, Эмбера, Моллена, Гранжона, Шарбонно и Ландрена предстала перед трибуналом.

Варлен произнёс от имени всех обвиняемых защитительную речь, которая прозвучала обвинительным приговором буржуазному обществу.

«...Мы с вами представляем две борющиеся партии,— сказал он, обращаясь к судьям,— вы стремитесь во что бы то ни стало сохранить существующий порядок, а мы, социалисты, хотим этот порядок изменить».

Речь Варлена заканчивалась следующим предостережением: «...Земля уходит из-под ног богачей, берегитесь!

Класс, который до сих пор появлялся на арене истории лишь во время восстаний для того, чтобы уничтожить какую-нибудь великую несправедливость,— класс, который угнетали всегда,— рабочий класс узнал наконец, что именно нужно сделать, чтобы уничтожить всё зло и все страдания. С вашей стороны было бы очень благоразумно не мешать его справедливому делу... Буржуазия не может ничего противопоставить рабочим, кроме насилий и жестокостей, но насилия только ускорят взрыв. Если бы буржуазия не хотела быть бесполезно-жестокой, ей следовало бы уступить место людям, верящим в лучшее будущее и трудящимся над подготовкой справедливого общественного порядка...»¹.

Своим наивным предложением буржуазии «сойти со сцены» и «уступить место молодому классу» Варлен отдал дань прудонизму.

6 июля, согласно приговору суда, Варлен был посажен в тюрьму Сент-Пелажи, где просидел три месяца (до 6 октября).

Между тем в сентябре 1868 г. в Брюсселе собрался очередной конгресс Интернационала. Присутствовало 96 делегатов, из них 18 французов (в том числе Толен, Мюра, Пенди, Обри и Лонге). Работа конгресса была тщательно подготовлена К. Марксом, который сам написал годовой отчёт Генсовета и составил проекты важнейших резолюций.

На Брюссельском конгрессе I Интернационала обсуждались вопросы о стачках и о профессиональных союзах рабочих; успех рабочего движения во всех странах заставил прудонистов признать необходимость стачечной борьбы и организации профсоюзов для борьбы за освобождение рабочего класса. На конгрессе был поднят воп-

рос о влиянии машин на положение рабочих, об организации системы «дарового кредита» (рекомендованной в сочинении Прудона) и о создании «менового банка». Брюссельский конгресс выдвинул требование обобществления машин, рудников, средств сообщения и вообще всех средств производства.

Особое значение имела резолюция о коллективной собственности на землю, составленная сторонником Маркса, левым прудонистом Цезарем де Пал. Прудонисты выступали решительными защитниками сохранения частной собственности на землю и боролись против резолюции, предложенной Марксом и его сторонниками. Однако в лагере прудонистов не было единства. Группа левых прудонистов, выделившаяся ещё до конгресса, высказалась в пользу коллективной собственности на землю. Конгресс принял решение о передаче земли, её недр и железных дорог в общественное пользование. Прудонисты потерпели поражение. Брюссельский конгресс нанёс прудонизму удар, после которого он уже не мог оправиться.

Решения Брюссельского конгресса оказали большое влияние на Варлена и способствовали его дальнейшему отходу от прудонизма. 4 сентября Варлен со своими товарищами по заключению послал из тюрьмы горячее приветствие Брюссельскому конгрессу, которое было оглашено на одном из его заседаний.

К моменту выхода Варлена из тюрьмы Париж и вся Франция были охвачены сильнейшим революционным подъёмом.

Неустойчивое внутреннее и внешнее положение Второй империи, усилившаяся оппозиция правительству со стороны республиканской буржуазии вынудили Наполеона III к либеральным уступкам. Летом 1868 г. был издан закон о печати и разрешены публичные собрания. Собрания происходили повсеместно. Повсюду произносились горячие речи. В выступлениях ораторов и в печати открыто обсуждалась не только перспектива близкого крушения империи, но даже возможность «социальной революции».

Варлен с головой окунулся в кипучую политическую жизнь.

После Брюссельского конгресса во Франции, так же как и в других странах, развернулась борьба за создание самостоятельных классовых организаций пролетариата.

¹ Морис Домманже, Коммунар Варлен, стр. 56—58.

Варлен выступил горячим сторонником стачечной борьбы и создания профессиональных союзов. Он понимал, что только этим путём социалисты могут объединить и революционизировать рабочую массу. Вместе с другими членами Бюро он организует поддержку стачки луарских рудокопов, начавших борьбу за повышение заработной платы и за введение восьмичасового рабочего дня, стачки сучильщиц шёлка в Лионе, которая вызвала широкое движение солидарности среди руанских и марсельских рабочих. Он организует поддержку стачек в разных городах Франции, рассылает всюду письма и инструкции. «Мы находимся в состоянии открытой войны»¹, — писал он в Руан своему другу литографу Обри.

К этому времени Варлен (1869 г.) фактически становится руководителем всего французского рабочего движения. Он поддерживает регулярную переписку с руководителями секций Интернационала Лиона, Крезо, Руана и других крупных промышленных городов Франции, даёт им советы, организует помощь в стачечной борьбе. Весной 1870 г. он присутствует на многолюдном собрании членов I Интернационала в Лионе, посвящённом созданию федерации секций, посещает заводы Шнейдера в Крезо, где происходила стачка рабочих. Он принимает живейшее участие в политической жизни страны, активно участвует в избирательной кампании 1869 г. по выборам в Законодательный корпус. «Несмотря на бойкотистское настроение заядлых прудонистов, — писал он, — мы начнём на избирательной арене борьбу с буржуазными республиканцами всяких оттенков, для того чтобы наглядно подчеркнуть разрыв между народом и буржуазией»².

Пропаганда решений конгрессов I Интернационала, широко развёрнутая Варленом и его товарищами, дала скоро свои результаты.

«Восемь месяцев дискуссий на народных собраниях вскрыли тот поразительный факт, что большинство рабочих, активно стремившихся к общественному преобразованию, разделяют коммунистические взгляды. Слово «коммунизм» вызывает такую же ярость в лагере всевозможных консерваторов, как некогда, накануне июньских дней... Чем с большим упорством революционные рабочие

Парижа объявляют себя коммунистами, тем яростнее обрушиваются на них консерваторы всех мастей и оттенков»¹.

Такова была обстановка во Франции, когда в сентябре 1869 г. собрался очередной конгресс I Интернационала в Базеле. Французская делегация прибыла на конгресс в количестве 26 человек. Состав делегации оставался прудонистским.

Одним из важнейших вопросов, вновь поставленных на обсуждение на Базельском конгрессе, был вопрос о собственности на землю. Резолюция по земельному вопросу признала, что «общество имеет право упразднить частную собственность на землю и превратить её в общественную собственность»². Большинство конгресса, так же как и большинство французской делегации, высказалось за резолюцию. Прудонисты ещё раз потерпели поражение.

Начиная с Базельского конгресса, на смену разгромленному окончательно прудонизму выступило другое враждебное марксизму мелкобуржуазное течение, искусно прикрывавшееся «революционной», «социалистической» фразеологией, — *бакунизм*. Бакунин хотел захватить руководство Интернационалом и навязать ему свою анархистскую программу «социальной ликвидации», то есть уничтожения одним разрушительным ударом и капитализма и вообще государства (никакой положительной программы Бакунин не мог, да и не умел предложить пролетариату в его борьбе с буржуазией). Для этого он создал тайную организацию — Альянс социалистической демократии.

На Базельском конгрессе 1869 г. Бакунин выступил с предложением об отмене права наследования, рассматривая её как меру постепенного перехода земли от частных владельцев к обществу. В противоположность этому К. Маркс в специальном докладе конгрессу доказал, что этот реформистский и утопический план в условиях буржуазного общества неосуществим. Подобное мероприятие, по мнению Маркса, было бы «ошибочно теоретически и реакционно на практике». Конгресс не вынес по этому

¹ J. Guillaume, L'Internationale. Documents et souvenirs (1864—1878), v. I, Paris 1905, p. 142—143.

² «Базельский Конгресс Первого Интернационала 6—11 сентября 1869 г.», М. 1934, стр. 85.

¹ «La vie ouvrière», 5 mai 1913.

² Ibidem.

вопросу никакого решения, но снова одобрил вопреки стараниям бакунистов деятельность Генсовета и переизбрал его в прежнем составе. Анархисты вынуждены были констатировать свою неудачу.

В то время Варлен ещё не знал о двурушничестве Бакунина и его сторонников (Гильома и др.); Варлен не знал, что они, выдавая себя за «сверхреволюционеров», в действительности являлись врагами рабочего класса и, стремясь предательски проникнуть в Интернационал, хотели взорвать его изнутри. Дезориентированный Бакуниным Варлен на Базельском конгрессе поддался его влиянию и в вопросе об отмене права наследования поддержал бакунистов против сторонников Генерального совета. Впрочем, хотя Варлен и голосовал за резолюцию Бакунина, он совершенно не разделял всех его анархических убеждений. Об этом свидетельствует его дальнейшая практическая революционная деятельность.

После возвращения из Базеля Варлен с головой ушёл в практическую работу, целиком посвятив себя организационной деятельности, то есть как раз тому, что было чуждо анархистам-бакунистам, врагам и дезорганизаторам рабочего движения.

Ещё в мае 1869 г. при горячем участии Варлена был принят проект объединения всех рабочих обществ в так называемую Федеральную палату. В начале декабря парижская Федеральная палата уже существовала.

Так терпеливо, день за днём, шаг за шагом, Варлен создавал единение всех сил парижского пролетариата, укреплял его сплочённость.

«До сих пор нас третировали, бесцеремонно эксплуатировали, потому что мы были разьединены и бессильны,— писал Варлен в статье «Стачка и сопротивление» (ноябрь 1869 г.).— Теперь с нами начинают уже считаться... Это эпоха сопротивления! Скоро, когда мы все будем объединены...мы сможем потребовать, фактически и юридически, права пользования всей совокупностью нашего труда — и это будет справедливо. Тогда паразитам придётся исчезнуть с лица земли: если они захотят жить, им придётся стать производителями, полезными людьми. Но что важнее всего, это — чтобы рабочие были организованы»¹.

Тем временем стачки следовали за стачками. Варлен отдавал все силы организации помощи бастующим. Не прошло и месяца с момента возвращения Варлена с Базельского конгресса, как произошли кровавые события в Обэне, а затем в Рикамари: войска стреляли в бастующих рабочих. 8 октября 1869 г. в Обэне было убито и ранено свыше 60 человек. Эти бесчеловечные расстрелы вызвали по всей Франции волнения и протесты. Варлен организовал сбор денег для семей пострадавших в Обэне. Совместно с Тейсом, Малоном, Авриалем и другими деятелями рабочего движения он опубликовал следующий протест:

«Подобные покушения на жизнь и права народа вынуждают нас заявить, что немыслимо жить при таком социальном строе, когда на шумные, но вполне обоснованные манифестации капитал отвечает ружейными выстрелами!...»¹

Большое внимание Варлен уделил стачке парижских сыромятников. Начавшаяся в июле 1869 г., она продолжалась в течение 6 месяцев. Число стачечников достигло 800 человек. Сыромятники решили организовать работу собственными средствами. Бастовавшим сыромятникам помогали все пролетарии Парижа, все рабочие союзы. Восхищаясь этим проявлением пролетарской солидарности, Варлен говорил: «Нет, это уже не одни сыромятники борются со своими хозяевами — это все рабочие союзы Парижа!»

В обстановке растущих политических и экономических выступлений рабочего класса Франции члены I Интернационала с особой остротой чувствовали необходимость создания своей рабочей газеты. Однако денежных средств не доставало. Тогда Варлен вместе с группой членов I Интернационала решил вступить в соглашение с кем-либо из левых республиканцев и создать газету, в которой должны были отражаться также интересы французского пролетариата.

Такой газетой стала «Marseillaise» («Марсельеза»), во главе которой стоял левобуржуазный республиканец Анри Рошфор, активно боровшийся с режимом Наполеона III. Газета была основана 19 декабря 1869 г. В ней участвовал ряд виднейших социалистов и левых республи-

¹ «Egalité», Genève, 20 novembre 1869.

¹ Adolphe Clémence, Eugène Varlin, «La revue socialiste», № 5, 1885, p. 420.

канцев — Валлес, Женни Маркс, Арну, Флуранс, Р. Риго, Мильер, Вермерш и другие. «Основатели газеты,— писал 25 декабря 1869 г. Варлен,— имеют в виду не только ведение пропаганды, но ещё соединение всей европейской социалистической партии, путь газеты, постоянные сношения между всеми группами, одним словом — подготовка социальной революции в Европе».

В январе 1870 г., в обстановке нарастающего революционного подъёма, в Париже произошло событие, ещё более накалившее политическую атмосферу: двоюродный брат Наполеона III совершил убийство журналиста В. Нуара. На похоронах собралась огромная толпа, по преимуществу рабочие. Однако открытое революционное выступление было преждевременным, и члены I Интернационала употребили всё своё влияние, чтобы его предотвратить.

Трезво оценивая соотношение сил, Варлен писал Обри (29 декабря 1869 г.): «...На наших собраниях мы почти единодушно признали, что мы *ещё* не готовы для революции, что нам нужен ещё год или, может быть, два для пропаганды путём газеты, публичных или частных собраний и организации рабочих обществ, чтобы достигнуть господства над положением и быть уверенными, что революция не ускользнёт из наших рук в пользу республиканцев-несоциалистов»¹.

Несколько позже, в письме к Обри от 19 января 1870 г., Варлен, возвращаясь к тому же вопросу, заявлял: «Без сомнения, вспышка и последующее за этим подавление восстания вполне удовлетворили бы буржуазные партии, так как были бы для них поводом к объявлению нас вне закона; но мы должны быть тем более осторожны, что чувствуем своё одиночество. Нам следует одним ударом отрубить все головы гидре и не промахнуться — вот почему мы колеблемся»².

Газета «Marseillaise» выступила с резким протестом против произвола в стране. Правительство Наполеона III ответило на это арестом А. Рошфора.

Возмущённый арестом Рошфора, Варлен вместе с другими членами Парижского бюро Интернационала подписал заявление, опубликованное в «Réveil» («Пробужде-

ние») 11 февраля 1870 г., клеймившее действия правительства.

Через два дня после появления в печати заявления с протестом против ареста А. Рошфора Варлен был арестован и посажен в одиночную камеру парижской тюрьмы, носившей, как бы в насмешку, название «Santé» («Здоровье»). На квартире у Варлена был сделан обыск, во время которого забрали много писем, газет и записную книжку с адресами. Через две недели его выпустили. Произвол бонапартистских властей вызвал справедливое возмущение Варлена. «И вы хотите,— писал он Обри 8 марта 1870 г.,— чтобы я был менее революционен при подобном положении вещей, которое ухудшается с каждым днём? Когда совершенно исчезнут с лица земли произвол и несправедливость, когда на земле будут царствовать свобода и справедливость, только тогда я не буду революционером; но до той поры знайте, что чем больше будут на меня обрушиваться удары деспотизма, тем больше я буду озлоблен против него и тем больше буду для него опасен. Напрасно вы думаете, хотя бы одно мгновение, что я пренебрегаю социальным движением ради политического! О, нет! Я делаю революционное дело исключительно с социалистической, истинно социалистической точки зрения... Но вы должны основательно понять, что никаких социальных реформ мы не сможем осуществить, пока не уничтожен старый политический строй!»¹

В мае 1870 г. Наполеон III объявил о своём решении провести плебисцит. Народу предлагалось выразить своё отношение к либеральным реформам правительства и к нововведениям, внесённым им в конституцию. По существу плебисцит должен был явиться средством укрепления императорского престижа внутри страны. Члены Интернационала повели энергичную борьбу против плебисцита и рекомендовали при голосовании подавать пустые бюллетени. Манифест против плебисцита, составленный членами Интернационала, широко обсуждался на рабочих собраниях и был опубликован в «Marseillaise». В манифесте говорилось о новом типе республики, где рабочие будут играть ведущую роль, об уничтожении постоянной армии и т. д.

¹ «La vie ouvrière», 5 mai 1913.

² Ibidem.

¹ «La vie ouvrière», 5 mai 1913.

Выступая 19 апреля 1870 г. на собрании парижских членов I Интернационала, Варлен заявил: «Мы требуем абсолютного суверенитета народа, прямого народовластия. Мы утверждаем принцип Всемирной Социальной Республики и протестуем против плебисцита»¹.

Практическая деятельность по укреплению секций I Интернационала и организации рабочего класса всё более отдаляла Варлена от бакунистов. Ещё в феврале этого года Бакунин, пытавшийся привлечь Варлена в число своих сторонников, с досадой писал анархисту А. Ришару в Лион: «Г-жа D. T. (Варлен.— А. Л.) — превосходная и полезная особа, но она далеко еще не целиком наша»². Ему пришлось в этом довольно скоро убедиться. Швейцарские газеты «Egalité» («Равенство») и «Progrès» («Прогресс»), инспирированные бакунистами, после Базельского конгресса повели ожесточённую кампанию против Генерального совета. Генеральный совет ответил на это письмом от 1 января 1870 г., обращённым ко всем организациям МТР, в котором дал решительный отпор этим интригам³. Варлен присоединился к линии Генерального совета. «Несмотря на то, что Бакунин сильно интриговал в Лионе и Марселе,— писал Маркс,— ...французские комитеты.... заявили, что они *вполне солидарны* с этим письмом Генерального совета»⁴. В феврале 1870 г. «Варлен решительно воспротивился посылке Генеральному совету коллективного адреса, составленного в Женеве, так как этот адрес, заключавший в себе упрёки и угрозы, вызвал бы в Генеральном совете справедливое возмущение»⁵.

¹ «Troisième Procès de l'Association Internationale des Travailleurs à Paris», Paris 1870, p. 63. Под сильным давлением со стороны правительственного аппарата за новую конституцию (т. е. за империю) голосовало 7 358 786 человек, 1 571 939 высказалось против и 1 894 681 воздержалось. Маркс указывал в первом воззвании Генсовета I Интернационала о франко-прусской войне, что голосовать за плебисцит значило «голосовать за внутренний деспотизм и за внешнюю войну... Во всех больших городах, во всех промышленных центрах Франции рабочий класс, как один человек, восстал против плебисцита. К несчастью, голоса рабочих были подавлены ввиду глубокого невежества сельских округов».

² «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», т. 3, М.—Л. 1927, стр. 361.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. 1, стр. 364.

⁴ Там же, стр. 365.

⁵ Amédée Dunois, Une belle figure prolétarienne, «Humanité», 6 juin 1913, p. 6.

После ещё нескольких неудачных попыток атаковать Генеральный совет Бакунин убедился, что ему не поднять секции Интернационала на открытый мятеж против Генсовета ввиду огромного авторитета последнего. Игра бакунистов была проиграна. Раскольническая деятельность бакунистов подверглась обсуждению на Лондонской конференции (в сентябре 1871 г.). В 1872 г. Гаагский конгресс Интернационала исключил Бакунина и ближайшего его единомышленника и помощника Гильома из Интернационала.

В этот период Варлен неоднократно выступает в печати со статьями, в которых касается различных вопросов рабочего движения. В статье «Стачка и сопротивление» Варлен пытался наметить пути социального переустройства общества, найти форму, в какой должно будет произойти «коренное», революционное изменение условий труда после совершения социальной революции. Варлен решительно заявлял, что «народ жаждет более справедливого распределения общественной продукции, он хочет участвовать в тех выгодах, которые наука предоставила в распоряжение промышленности, но которые присвоило себе меньшинство населения, сохраняющее их только для себя»¹.

Он утверждал, что после успешной политической революции должен быть поставлен вопрос о социальной революции, и требовал полного освобождения народа, которое «не ограничилось бы только сменой этикетки». В своей статье «Рабочие общества» Варлен писал, что «капиталист, промышленник и коммерсант больше не вправе по своему произволу распоряжаться общественными богатствами», что «рабочие сами должны получить в полное своё распоряжение орудия труда». Однако на вопрос, как надо будет организовать производство и распределение продуктов будущего общества, он не мог ответить. Здесь он беспомощно сбивался на прудонистские рецепты «справедливого взаимного обмена по себестоимости», на прудонистско-синдикалистские теории о «первенствующей роли в этом распределении рабочих обществ (синдикатов, обществ сопротивления и т. д.)»².

¹ «Egalité», 20 novembre 1869.

² «Marseillaise», 11 mars 1870.

Если в области теории Варлен был очень слаб, не знал учения Маркса и Энгельса (научного коммунизма) и рассуждения его были сбивчивы и незрелы, то как организатор рабочего движения Варлен был несравненно сильнее. Благодаря его деятельности весной 1870 г. секции Интернационала очень сильно возросли численно.

По сообщению Варлена, в марте 1870 г. в Париже существовало 13 секций Интернационала, в апреле — 25. С каждым днём количество секций продолжало расти.

19 апреля 1870 г. под руководством Варлена была создана Федерация парижских секций Интернационала. Она была основана на объединённом заседании всех членов I Интернационала в большом зале редакции «Marseillaise». К этому времени число лиц, примкнувших к Интернационалу, доходило во Франции до 245 тысяч¹. На заседании Варлен произнёс горячую речь перед 1200 присутствовавшими в зале членами секций Интернационала.

«Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих! Поэтому не будем больше доверяться тем людям, которые до сегодняшнего дня убаюкивали нас пустыми обещаниями, надеясь получить наши голоса, а придя к власти, покинули нас и нам изменили!.. Теперь всё должно измениться. Интернационал уже преодолел предрассудок национальной розни. Мы теперь знаем, как смотреть на «провидение», которое всегда склонялось на сторону миллионеров. «Добрый боже» отжил своё время. С нас довольно!.. Мы взываем ко всем тем, кто страдает и борется. Мы — сила и право... Мы должны направить наши усилия против [старого] «*порядка*» юридического, экономического, политического и религиозного»².

Варлен был единогласно избран председателем Федерации. Вновь возникшая Федерация совместно с Федеральной палатой рабочих союзов обратилась к пролетариату Франции с манифестом.

В манифесте выдвигался ряд требований: радикальное изменение налоговой системы, отмена конскрипции (военной мобилизации. — А. Л.), безусловная суверенность народа и всемирная социальная республика.

Местом заседаний Федерации секций было избрано большое помещение на площади Кордери.

¹ См. П. Л. Лавров, Парижская Коммуна 18-го марта 1871 года, Л. 1925, стр. 27.

² «Marseillaise», 20 avril 1870, p. 2.

На создание Федерации правительство ответило целым рядом репрессий — обысками и арестами ряда видных деятелей Интернационала. 21 апреля некий Буассэ, адвокат, знакомый Варлена, сообщил ему по секрету, что отдан приказ об его аресте, и советовал немедленно бежать.

На другой день Варлен уже был в безопасности, в Брюсселе.

Здесь Варлен из опасения ареста изменил своё имя на Анри Барфельд. Поиски работы оказались безуспешными, и он вынужден был переехать в Антверпен. В это время в Париже происходил третий судебный процесс Интернационала. Было привлечено 38 человек, из которых семеро (в том числе и Варлен) были осуждены заочно. Они были приговорены к году тюрьмы и 100 франкам штрафа.

Находясь в эмиграции, Варлен внимательно следил за политическими событиями во Франции. С волнением узнал он о вспыхнувшей франко-прусской войне, о поражениях на фронте, о шовинистических настроениях, раздуваемых в народе правительством Наполеона III. Его беспокоила судьба товарищей. 19 августа он написал из Антверпена письмо члену парижской секции Интернационала — переплётчице (бывшей учительнице) Марии Яцкевич:

«Вы не представляете себе, как я томлюсь и скучаю в изгнании. Меня беспокоит всё, что происходит сейчас в Париже, хотя парижане проявили себя недостойными моего уважения во время последних событий, связанных с войной, — я бы хотел быть в Париже, чтобы лично видеть народные манифестации и действовать сообразно необходимости... Что же случилось с Интернационалом среди этой двойной волны шовинизма, влекущей две великие нации, на которые мы так рассчитывали, к ужасному взаимоистреблению?»¹.

Варлен недоумевал, почему «республиканская социалистическая партия» не протестует против гибельной политики Второй империи. «Почему парижский народ при первых же неудачах не сверг Империю и не поставил революционную Францию лицом к лицу с прусским королём? По крайней мере в случае продолжения войны было бы за что драться, тогда как теперь тысячи людей проливают кровь за Наполеона III и Вильгельма I. Печально!» В этом

¹ «La vie ouvrière», 5 mai 1914.

же письме Варлен очень сурово отзывается о неудавшейся попытке кучки заговорщиков-бланкистов (14 августа 1870 г.) захватить казарму пожарных в Ла Виллет: «Я хотел бы видеть, как Империя и всё, что с нею связано, будут сброшены революционным движением. Но, право, инициаторы этого нападения — безумцы: они не догадываются, что раньше, чем обратиться к народу с призывом к восстанию, надо пощупать у него пульс, чтобы узнать — есть ли у него жар...». Варлен заканчивает письмо горячей и настоятельной просьбой сообщить ему всё, что касается работы Интернационала и его членов.

Вскоре последовала Седанская катастрофа. За ней «бескровная» революция 4 сентября.

4 сентября Варлен вернулся в Париж. Картина, которую застал в Париже Варлен, была безотрадной.

Тотчас по своём приезде в Париж Варлен вступил в 193-й батальон Национальной гвардии, который избрал его своим командиром.

Война с Пруссией и поддерживаемый республиканским правительством Национальной обороны шовинистический угар пагубно отразились на парижских секциях Интернационала. Почти все газеты отказались печатать второе воззвание Генсовета о франко-прусской войне от 9 сентября. Шовинизм и ненависть к пруссакам достигли таких размеров, что на одном публичном собрании член Бюро Интернационала Комбо заявил Серрайе: «Если Вы поставите немцев на одну доску с нами, я застрелю Вас: о немцах мы можем говорить только как о врагах, находящихся на нашей земле»¹.

Обеспокоенный этими настроениями, Генеральный совет Интернационала, обычно поддерживавший связь с Францией через Дюпона, Варлена и др., направил в Париж Огюста Серрайе для непосредственной связи и руководства парижским Федеральным советом Интернационала.

Однако постепенно в Париже начало нарастать возмущение явно капитулянтским поведением правительства Трошю, которое открыто называли «правительством национальной измены».

Три недели спустя парижане узнали о позорной капитуляции маршала Базена в Меце, о поражении при Бурже

(близ Парижа) и о переговорах правительства о перемирии, которые расценивались народом как величайшая измена родине. Охваченные негодованием, ЦК 20 округов и бланкисты совершили 31 октября отчаянную попытку провозгласить Коммуну и при поддержке рабочих батальонов одержали было победу. Правительство в Ратуше было арестовано. Народ заполнил залы Ратуши. Был составлен список нового правительства (Бланки, Луи-Блан, Делеклюз, Ледрю-Роллен, Пиа и др.). Флуранс со своим отрядом провозгласил создание Комитета общественного спасения. Но притаившаяся реакция тотчас успела принять меры и в ту же ночь вернула себе власть. «Движение 31 октября не закончилось учреждением Коммуны только потому, — писал Маркс, — что Бланки, Флуранс и другие тогдашние лидеры движения поверили *людям слова*, давшим *честное слово* отказаться от власти и уступить место Коммуне, свободно выбранной всеми округами Парижа»¹.

Выступление 31 октября потерпело поражение потому, что у его руководителей не было ни единой программы, ни ясного сознания своих целей. Между тем успех этого движения мог бы, по мнению Маркса, иметь огромное значение. «Победоносное учреждение Коммуны в Париже в начале ноября 1870 г. ...не только вырвало бы дело обороны из рук изменников и наложило бы на нее печать энтузиазма... но и совершенно изменило бы весь характер войны. Она превратилась бы в войну республиканской Франции, поднимающей знамя социальной революции XIX века, против Пруссии, этого знаменосца завоевания и контрреволюции. ...Коммуна наэлектризовала бы трудящиеся массы Старого и Нового света»².

За немногими исключениями члены Интернационала, полные ещё прудонистских предрассудков, предпочли воздержаться от участия в движении 31 октября, заявив, что они не могут вмешиваться в политическую борьбу. Даже Варлен скептически отнёсся к решению Центрального комитета 20 округов свергнуть правительство. Он говорил, что «Интернационал не может вести политическую борьбу такими способами» и что «при всякой новой попытке

¹ Первый набросок «Гражданской войны во Франции», «Архив Маркса и Энгельса», т. III (VIII), М. 1934, стр. 313.

² Там же, стр. 315.

¹ «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны», стр. 5.

подобного рода мы только потеряем время». Хотя Варлен и был в день 31 октября на Грэвской площади со своим батальоном, но в Ратуше, где происходили все события дня, он не был.

После 31 октября реакция временно восторжествовала. Варлену пришлось покинуть свой батальон. Его друг и товарищ по Интернационалу Б. Малон, избранный помощником мэра XVIII округа, устроил Варлена к себе секретарём. Но Варлен недолго оставался в мэрии: вскоре он перешёл в продовольственную комиссию и открыл рабочую столовую «Marmite» на улице Берцелиус. В эти осенние и зимние месяцы он часто выступал в Кордери на народных собраниях и в клубах, разоблачая предательское поведение правительства и требуя, чтобы вооружённые рабочие взяли в свои руки руководство обороной.

И в эти месяцы среди части парижских членов Интернационала продолжали сохраняться соглашательские настроения и оборонческие иллюзии: они считали возможным в тот период соглашение с буржуазией «для совместной борьбы с внешним врагом». Эти настроения и иллюзии, несомненно, ослабляли позиции I Интернационала во Франции.

Развал парижской организации Интернационала усугублялся тем, что многие её члены находились в войсках. Варлен указывал на заседании Парижского бюро от 12 января: «Бронзовщики рассеялись по армейским ротам и не в состоянии платить взносов. Да и нельзя этого требовать от них в такой серьёзный момент!»¹.

На заседаниях Бюро Варлен всё настойчивее повторял, что «единственный способ снова стать сильным, это — реорганизовать Бюро Интернационала». Большую роль в организации сил членов I Интернационала в Париже сыграл Серрайе.

Между тем положение осаждённого Парижа всё ухудшалось. Начался голод... Правительство Национальной обороны замышляло измену. Позорная капитуляция была в сущности явной провокацией, подготовлявшейся правительством. Парижский народ ответил на действия правительства демонстрацией протеста. Варлен принял в ней активное участие; 22 января он и Малон повели к Ратуше

300 рабочих, членов Интернационала, на развевавшемся знамени которых был начертан лозунг: «Нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав».

Кровавая расправа республиканских властей с безоружной толпой на площади Ратуши была жестоким уроком для тех, кто ещё верил в возможность примирения с правительством. С этого момента Варлен стал энергично требовать ещё большего вооружения рабочих, национальных гвардейцев и объединения республиканских батальонов Национальной гвардии. Эти предложения были встречены парижскими рабочими с большим энтузиазмом.

Положение в стране было критическим. Надо было думать о ближайших, неотложных мерах спасения республики, о создании крепкой организации пролетариата и, что особенно важно, о сохранении в его руках оружия. Заключив перемирие, торжествующая реакция переходила в решительное наступление. Одна за другой в Париж из Бордо, где собралось Национальное собрание, летели удручающие новости: около двух третей депутатов Национального собрания были монархистами, среди них два принца Орлеанской фамилии; Тьер — убийца и палач, наиболее полное воплощение коварства и жестокости правящих классов — был назначен главою исполнительной власти. Ворота Парижа были открыты неприятелю.

Возникшая в конце февраля 1871 г. Федерация парижских батальонов Национальной гвардии в первые же дни продемонстрировала свои республиканские настроения, свою готовность дать отпор попыткам монархической реставрации и объявила, что ни под каким видом не позволит себя разоружить. В сущности это был вооружённый народ Парижа.

Как же реагировала на всё это парижская организация Интернационала? Далеко не все в ней поняли смысл происходивших событий. Среди членов секций Интернационала существовало укоренившееся предубеждение против Федерации батальонов: указывали, что инициатива её создания исходила из реакционной среды, опасались, что в составе Центрального комитета Национальной гвардии находятся «неизвестные люди», возможно, чуждые народному делу. Однако Варлен твёрдо и уверенно вёл товарищей «навстречу социальному будущему» (как он выражался) и совершенно правильно требовал, чтобы члены

¹ «Procès-verbaux des séances officielles de l'Internationale à Paris», p. 20.

I Интернационала поддержали федерацию Национальной гвардии.

1 марта, в день вступления пруссаков в Париж, Варлен выступил на заседании Бюро Интернационала со следующим предложением:

«Необходимо срочно, чтобы члены Интернационала сделали всё возможное, чтобы их избрали в ротах делегатами и, таким образом, чтобы они вошли в состав Центрального комитета. Я предлагаю избрать комиссию из 4 членов, которая бы вошла в этот Комитет». Варлен полагал, что члены I Интернационала должны войти в ЦК Национальной гвардии как простые национальные гвардейцы и взять руководство ЦК в свои руки.

Отвечая на возражения товарищей, считавших, что ЦК Национальной гвардии находится в руках буржуазных республиканцев и что сотрудничество с ними недопустимо для членов I Интернационала, Варлен заявил: «Те члены Центрального комитета, которые нам казались подозрительными, устранены и заменены социалистами. Эти последние хотят иметь в своей среде четырёх делегатов, которые бы служили связью между ними и Интернационалом. Если мы останемся в стороне от такой силы, наше влияние исчезнет, а если мы соединимся с этим Комитетом — мы сделаем большой шаг к социальному будущему!»

Предложение Варлена было принято большинством голосов¹.

В Центральный комитет были делегированы четыре члена Бюро Интернационала, в том числе Варлен. Спустя два дня (3 марта) по предложению Варлена громадное собрание представителей двухсот батальонов приняло весьма серьёзное решение — провести новые выборы офицеров Национальной гвардии. На этом собрании было выдвинуто предложение, «чтобы вся Национальная гвардия подчинялась приказаниям Центрального комитета... Если военное начальство даст приказание в противоположном смысле, надо арестовать главный штаб. Постоянные армии должны быть отменены и заменены вооружением нации».

Положение в Париже было чрезвычайно напряжённым. Национальная гвардия (состоявшая в большинстве своём

¹ «Procès-verbaux des séances officielles de l'Internationale à Paris», p. 84.

из рабочих, вооружённая пушками, грозно глядящими с высоты холмов рабочих предместий на аристократические кварталы Парижа) была бельмом на глазу у Тьера и реакционного Национального собрания — «деревенщины». Тьер решил разоружить Национальную гвардию, спеша осуществить свой план ещё до 20 марта (ближайшего заседания версальского Национального собрания). С момента приезда Тьера (15 марта) в Париж спешно стягивались войска, количество которых к 18 марта удвоилось. Накануне 18 марта совет министров под председательством Тьера решил захватить пушки, оружие, имевшееся в батальонах, верных Центральному комитету, распустить Комитет и арестовать его членов.

Центральный комитет не предвидел нападения; плана действий в момент стихийного восстания масс у Комитета не существовало.

В эти решающие дни, в минуту грозной опасности со стороны реакции и озлобленной буржуазии, Варлен хорошо понимал, что вооружённые рабочие массы Национальной гвардии являются единственной реальной силой. Он знал, что это была могучая сила, способная дать отпор всем пронкам контрреволюции. Он видел, что Центральный комитет был первой и настоящей народной властью, опиравшейся на вооружённый народ. Все вымыслы и бредни анархистов — прудонистов и бакунистов насчёт «вреда и ненужности власти», насчёт «отмены государства» отлетели от Варлена прочь, как ненужная шелуха. Для него теперь, более чем когда-либо, стало ясным, что только вооружённой силой пролетариат может добыть себе свободу. В эти решающие дни Варлен как-то весь преобразился.

«Я живо помню,— рассказывает русский либеральный публицист Евг. Утин, очевидец событий 18 марта,— как... появился манифест за подписью вновь создавшегося Центрального комитета Национальной гвардии, как в этот день Варлен, который был одним из подписавшихся на манифесте, с резкостью говорил:

— Будь, что будет, а обезоружить без боя мы себя не позволим!»¹

Однако и для Варлена события 18 марта были неожиданными.

Находившийся в это утро в Батиньоле (XII округ Парижа) Варлен, как только узнал о происшедших событиях, немедленно стал во главе 155 и 222-го батальонов Батиньоля. После того как забили тревогу, к ним примкнули гвардейцы шести других батальонов. Все они были в боевой готовности. Варлен решил действовать, не теряя ни минуты.

Два часа спустя Варлен связался с батальонами XVIII округа (Монмартра), во главе которых стоял Бержере, и совместно с ними захватил без особых затруднений Вандомскую площадь (где находился штаб Национальной гвардии).

В тот же день, в 11 часов вечера, Варлен написал следующее письмо члену Центрального комитета Арнольду: «Я прибыл в Центральный комитет. Общее движение продолжается в нашу пользу, но мы ещё не всюду добились успеха. Фальто с гвардейцами 1-го батальона занимает Люксембург. Говорят, но я в этом ещё не уверен, что Дворец юстиции в наших руках. Ратуша и казарма Наполеона ещё не заняты — их охраняют жандармы и полицейские... У нас уже убито несколько человек, ...в тот момент, когда я пишу, мне сообщают, что Ратуша уже занята и что жандармы бегут из Лувра! Вместе с тем сообщают о больших передвижениях войск на Марсовом поле и у Дома инвалидов. Будьте бдительны! Бодрствуйте! Всё идёт хорошо, но надо опасаться возобновления вражеского наступления. Э. Варлен»¹.

Вскоре после этого батальоны Национальной гвардии заняли Ратушу. Хозяевами Парижа отныне стали рабочие и их временный орган власти — Центральный комитет Национальной гвардии, одним из членов которого был Варлен.

Утром 19 марта население Парижа заполнило озарённые ярким солнцем улицы. У всех было радостное настроение. Тысячи людей с волнением читали афиши, подписанные Центральным комитетом. В одной из этих афиш сообщалось, что Комитет взял власть в свои руки для защиты республики, что он немедленно назначает выборы в Коммуну, которой передаст всю власть. Прежнее прави-

¹ *Евг. Утин, Франция и французы после войны, «Вестник Европы», декабрь 1871 г., стр. 581 — 582.*

¹ «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars 1871», p. 477.

тельство в панике бежало. Телеграф, префектура, здания министерств — всё перешло в руки Национальной гвардии.

Члены парижских секций I Интернационала принимали активное участие в революции 18 марта. 23 марта 1871 г. член Федерального совета Франкель настаивал на выпуске манифеста с призывом к рабочим голосовать за Коммуну: «Выпустив манифест, мы укрепим Центральный комитет всей нашей моральной силой!» — заявлял он. Другой член I Интернационала — Эвэтт говорил, что «необходимо, чтобы Интернационал выступил сегодня как боевая сила». Обри, делегат Руана, утверждал: «...революция 18 марта носит всецело социальный характер... Я предлагаю координировать движение, пригласив Центральный комитет примкнуть к Интернационалу»¹. Несколько позже отдельные секции Парижа приветствовали Парижскую Коммуну, констатируя, что она «открыто вступила на путь политических и социальных реформ» (секция Каррьер); что это «прежде всего *социальная революция*» (обращение объединённой секции железнодорожников станций Иври и Берси)² и т. д.

Утром 19 марта Варлен и Журд во главе трёх десятков федератов заняли министерство финансов. Лейтенант, командовавший охраной министерства, сдал его без всякого сопротивления. Варлен и Журд прошли в покинутый кабинет министра и потребовали у чиновников точного отчёта о наличии денег в сундуках. Им было сообщено, что наличие достигает 4 миллионов 731 тысячи франков, но что ключи от сейфов находятся в Версале.

В вопросе о деньгах делегаты Центрального комитета (а позднее делегаты Коммуны) уже с самого начала проявили непростительную «деликатность» и уступчивость, которые впоследствии стали одной из причин гибели Коммуны. «Труднее всего, конечно, — писал Энгельс, — понять то благоговение, с каким Коммуна почтительно остановилась перед дверьми Французского банка. Это было также крупной политической ошибкой. Банк в руках Коммуны — ведь это имело бы большее значение, чем десять тысяч заложников. Это заставило бы всю французскую буржуазию оказать давление на версальское правительство, чтобы заключить мир с Коммуной»³.

¹ А. И. Молок, Парижская Коммуна 1871 года в документах и материалах, стр. 301—302.

² См. там же, стр. 307.

³ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения. т. I, стр. 441.

В первые дни после революции Варлен был ещё полон иллюзий насчёт возможности примирения с Версалем и просил только денег на самые неотложные нужды — на уплату жалованья Национальной гвардии. В 6 часов вечера 19 марта Варлен и Журд явились к управляющему банком Рулану и после длительных переговоров с ним и вмешательства Центрального комитета получили у него под расписку один миллион банковыми билетами для уплаты жалованья гвардейцам. Как выяснилось впоследствии, в банке тогда хранилось 77 миллионов звонкой монетой, 7 миллионов драгоценностями, 11 миллионов золотыми и серебряными слитками и 166 миллионов банковыми билетами, в «портфеле» — 899 миллионов и т. д. — в общем почти два с половиной миллиарда франков, к которым следовало прибавить 800 миллионов невыпущенных банковых билетов, на которых не хватало только подписи¹.

В 10 часов вечера Варлен и Журд доложили Центральному комитету, что жалованье раздаётся во всех округах.

Вечером 19 марта группа мэров после своего совещания в мэрии III округа явилась в Ратушу, и мэр Клемансо задал Варлену вопрос: «Что же вы, собственно, хотите? Готовы ли вы удовлетвориться согласием на выборы муниципалитета?». Варлен ответил: «Да, мы хотим избрания Коммуны, как муниципального Совета. Но этим ещё не ограничиваются наши требования — и все вы это прекрасно знаете! Мы хотим коммунальных свобод для Парижа, уничтожения префектуры полиции, права для Национальной гвардии самой выбирать всех своих офицеров, в том числе и главнокомандующего, полного прощения неоплаченных квартирных долгов на сумму меньше 500 франков и пропорционального снижения прочих долгов за квартиру, справедливого закона об уплате по векселям, наконец, мы требуем, чтобы версальские войска отошли на 20 миль от Парижа»².

Несколько позже, около полуночи того же дня, Варлен и другие представители Центрального комитета (Журд, Моро, Арну) сделали последнюю попытку примирения с парижскими депутатами и мэрами, считавшими себя един-

¹ См. «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars 1871», p. 391.

² E. Leppelletier, Histoire de la Commune, v. II, Paris 1912, p. 83.

ственными представителями законной власти. Они явились в мэрию II округа на совещание мэров и парижских депутатов и повторили свои довольно умеренные требования.

Но муниципальные власти не желали слышать даже и о таких уступках!

Все усилия делегатов Центрального комитета были тщетны. «Радикалы» и «либералы» с пеной у рта кричали, перебивая друг друга, что не признают Центрального комитета, что согласно решению правительства единственной законной властью в Париже сейчас является только данное собрание мэров и депутатов.

Спор длился до глубокой ночи. Один за другим, потеряв терпение, ушли Журд, Моро, Арну. Остался один Варлен, который всё ещё пытался добиться соглашения. «Измученный, истомлённый,— борьба продолжалась пять часов,— он, наконец, уступил со всеми оговорками. Но когда он вышел на воздух, к нему вернулось его спокойствие, разумное суждение, и он, возвратясь, сказал товарищам, что ясно видит теперь ловушку. Он предложил им ответить на притязания мэров и депутатов отказом»¹.

Чем же, однако, была вызвана такая позиция Варлена? Она, надо полагать, была отражением оборонческих иллюзий парижского пролетариата. Варлен опасался вызвать гражданскую войну в то время, как враг находился на подступах к Парижу. Он не понимал, что Тьеру и французской буржуазии прусская военщина была ближе и дороже, чем пролетарии Монмартра и Бельвиля, её классовые враги. Но ему пришлось в этом довольно скоро убедиться...

В течение 22 и 23 марта Варлен ждал, что банк выполнит требование его и Журда — выдаст им второй миллион для уплаты жалованья национальным гвардейцам, однако ожидания его были напрасны. Укрывшись за спиной отряда линейных солдат, охранявших банк, реакционная администрация выжидала и насторожённо прислушивалась к происходящим событиям, вела переговоры с адмиралом Сессэ, организовывавшим контрреволюционные силы, и всё ещё надеялась, что сторонники Версаля одержат победу. Варлен и Журд, находившиеся днём 23 марта в министерстве финансов, с волнением выслушивали упрёки и жалобы национальных гвардейцев. Характерно

¹ *Lissagaray, Histoire de la Commune de 1871, Paris 1929, p. 117.*

письмо, которое они послали маркизу де Плеку, заместителю управляющего банком: «Итак — заставлять парижан голодать — вот каким оружием пользуется партия, называющая себя «честной». Голодные люди не бросают оружия, напротив, голод толкает массы к убийствам... Мы хотели избежать всего этого, и Банк мог помочь нам, но он предпочёл стать на сторону тех, кто любой ценой намерен свергнуть Республику. Мы поднимаем брошенную нам перчатку!.. Мы выполнили свой долг. И если наша примирительная позиция была вами принята за трусость, то мы докажем, что вы ошиблись. Если Банк намерен выдать нам требуемый миллион (мы получили 300 000 франков), то он должен прислать их в министерство финансов до 12 часов дня. С этого момента, если деньги не будут присланы, мы примем самые энергичные меры! Да здравствует Республика! Журд, Варлен»¹.

Угроза подействовала: администрация банка поспешила выдать требуемые деньги. Но полученная сумма была очень незначительна по сравнению с огромной потребностью в деньгах. Пагубная тактика в отношении банка, переговоры с мэрами и депутатами — всё это были крупнейшие ошибки Центрального комитета Национальной гвардии и Варлена в том числе. Но наряду с этими ошибками следует отметить, что Варлен был одним из немногих членов Коммуны, которые стояли за решительные действия против Версаля. Маркс писал: «Центральный комитет... поспешил принять посредничество мэров и депутатов Парижа... Бесчисленные ошибки революционеров... [Они] позволили реакции организовать в самом центре Парижа; оставили в покое Версаль. Тридон, Жаклар, Варлен, Вайан считали нужным немедленно выбить роялистов...»².

Варлен был чрезвычайно популярен в народных массах. На выборах в Коммуну он был избран одновременно в трёх местах: VI округе (3600 голосов), XII (9843 голоса) и XVII округе (9356 голосов).

В Коммуне Варлен встретил многих своих знакомых, товарищей, друзей. Там оказались Клеманс, Малон, Журд, механик Асси, которого Варлен знал по Крезе (центру металлургической промышленности, где Асси в марте —

апреле 1870 г. руководил стачкой), резчик Тейс, который вместе с ним посещал вечерние курсы общества содействия народному образованию, и много других лиц, известных Варлену. На дополнительных выборах 16 апреля в Коммуну прошёл Жюль Андрие, у которого Варлен брал в 1864 г. уроки латинского языка. Теперь все эти скромные люди возглавляли центральные учреждения: Тейс стал во главе почты, Андрие — ведомства общественных служб, Клеманс был членом комиссии юстиции. Во главе Национальной типографии, печатавшей «*Journal officiel*» («Официальную газету»), стоял Луи Дебок, один из сотрудников «*La Tribune ouvrière*»; во главе Монетного двора, чеканившего деньги Коммуны и печатавшего марки, стоял Камелина, член одной из парижских секций Интернационала. Все эти министры и управляющие центральными ведомствами получали от Коммуны оклад, не превышавший заработную плату рабочего!

В Коммуне Варлен продолжал ту же деятельность, которую он начал тотчас после революции: 30 марта он вошёл в состав Комиссии финансов (вместе с Журдом, Виктором Клеманом, Беле и Режером). На нём, как на члене этой комиссии, лежали огромные обязанности: комиссии предстояло заняться городским бюджетом, вопросами квартирной платы, векселями, реализацией займа и т. д. Перед Варленом и его товарищами вставали большие, часто непреодолимые препятствия. Достаточно сказать, что каждый день надо было обеспечить питанием около 350 тысяч человек! «По части финансов Коммуна в отчаянном положении. Варлен сказал ей об этом уже в первом заседании»¹. Через руки Варлена проходили колоссальные суммы. В то же время Варлен, этот безукоризненно честный человек, продолжал вести свой обычный скромный образ жизни. Он жил почти впроголодь, носил старую, потёртую одежду. Варлен попрежнему обедал в кабачке, а когда было время — в «*Marmite*».

Чрезвычайно аккуратный и добросовестный Варлен неусыпно следил за расходованием государственных денег и, не считаясь ни с чьим недовольством, боролся с растратами и злоупотреблениями. Он упразднил должности казначеев и их помощников, выплачивающих гвардейцам

¹ «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars 1871», p. 391.

² «Архив Маркса и Энгельса», т. III (VIII), стр. 369.

¹ «Архив Маркса и Энгельса», т. III (VIII), стр. 141. (Корреспонденция из Парижа.)

жалование, организовав выплату без этих ненужных посредников. Тщательно следя за работой многочисленных инспекторов и контролёров, Варлен обратил внимание на ряд злоупотреблений квитанционными книжками и совместно с Журдом опубликовал приказ сдавать корешки этих книжек кассирам. Всем неподчинившимся приказ грозил увольнением; в нём, кроме того, имелось дополнение: «Каждый, кто утаит таким способом хоть часть денежных средств Коммуны, будет преследоваться за взяточничество». Аналогичный приказ был отдан в отношении сборщиков пошлин, не внёсших полностью собранные ими деньги.

Функции Варлена как члена Комиссии финансов были чрезвычайно разнообразны. Они ещё больше усложнились с 21 апреля, когда он вошёл в состав Продовольственной комиссии Коммуны. Здесь весьма пригодился его опыт организатора рабочих потребительских обществ и столовых. Никто из членов Коммуны не справился бы лучше его с этим трудным делом.

Но вот настал памятный день 1 мая, когда Коммуна разделилась на два лагеря в связи с голосованием по важному принципиальному вопросу: о создании Комитета общественного спасения. Этот вопрос возник в связи с тем, что войска Коммуны терпели поражения, ослабла дисциплина среди национальных гвардейцев, активизировалась деятельность версальских агентов внутри города и т. д. В Коммуне был поднят вопрос о необходимости усиления революционной власти, сосредоточения её в руках нескольких человек, которым будут даны диктаторские полномочия. Варлен присоединился к «меньшинству» (по преимуществу состоявшему из его товарищей-прудонистов, членов Интернационала) и голосовал против Комитета общественного спасения.

Несомненно, создание крепкого органа власти, осуществляющего революционную диктатуру пролетариата в условиях ожесточённой вооружённой борьбы с врагом, было необходимо, и в этом отношении позиция «меньшинства» была ошибочной.

В начале мая Варлен в связи с отстранением от работы и преданием суду интендантов братьев Мэй, обвинённых в казнокрадстве и взяточничестве, по приказу Комитета общественного спасения был назначен главным директором провиантской части и военного снабжения. Но тут Варлену пришлось вскоре столкнуться с Центральным

комитетом Национальной гвардии, оторвавшимся от народных масс после выборов Коммуны и стремившимся сосредоточить в своих руках всю полноту военной власти и руководство военными действиями. Некоторые его члены требовали установления контроля над Коммуной. Временами по отдельным вопросам возникали конфликты, как, например, на заседании Коммуны 8 мая 1871 г., когда Журд с негодованием огласил письмо Комиссии ассигновок и финансов Центрального комитета, в котором комиссия заявляла, что отныне только она будет подписывать всякие ассигновки. «К сожалению, в этом деле форменный хаос! — воскликнул Журд. — Вместо Варлена, Авриала, Тридона и других лиц будут подписывать ассигновки совершенно неизвестные мне лица! Военному делегату (Росселю. — А. Л.) остаётся только право руководства военными операциями... При таких условиях, я спрашиваю, кто же у нас является правительством — Центральный комитет или Коммуна?.. Я согласен получать приказы от Комитета общественного спасения, но не от людей, власть которых я не намерен признавать!»¹

Во время горячих прений выступил Варлен, также протестовавший против вмешательства Центрального комитета в его работу в интендантстве. «Я с немалым удивлением, — сказал Варлен, — прочёл в субботу утром (6 мая) в «Journal officiel» постановление Комитета общественного спасения о том, что Центральному комитету поручается всё руководство военным делом. Несколько часов спустя (в тот же день, 6 мая. — А. Л.) в интендантство явились четыре делегата Центрального комитета и заявили мне, что они пришли разделить между собой мои функции и что мне остаётся лишь уступить им место и удалиться. Я дал им понять, что мои полномочия более действительны, чем их полномочия... Они удалились, обещав доложить Центральному комитету... но сегодня (8 мая) снова явились. Я заявил, что останусь на своём посту. Но сейчас, услышав сообщение гражданина Журда, я уже не могу оставаться. С этого момента я покидаю свой пост и ставлю в известность поставщиков, с которыми заключил сделки, чтобы они отныне обращались в Комитет общественного спасения»².

¹ «Journal officiel de la République française», 10 mai 1871.

² Ibidem.

Однако Варлен интендантства не покинул и продолжал в качестве члена Военной комиссии Коммуны (куда был незадолго до этого кооптирован) вести энергичную борьбу с Центральным комитетом. В тот же день (8 мая) он подписал вместе с другими членами Военной комиссии — Арнольдом, Авриалем, Делеклюзом, Тридоном — следующее постановление:

«Военная комиссия, основываясь на том, что в декрете, вручающем Центральному комитету военное руководство, есть оговорка — «...но только под прямым контролем Военной комиссии», — постановляет: Центральный комитет не имеет права назначать ни на один пост; он лишь предлагает кандидатов Военной комиссии, которая выносит решение!»¹.

Между тем положение на фронте всё ухудшалось. Пал-форт Исси. По вине членов Комитета общественного спасения (Ф. Пиа, Арно и Мелье) редут Мулен-Сакэ оказался в ночь на 4 мая незащищённым и был захвачен версальцами, а оставшиеся там люди перерезаны. В связи с этим по инициативе Варлена 9 мая на заседании Коммуны был поднят вопрос о роспуске Комитета общественного спасения. Члены Коммуны в своих выступлениях указывали, что Комитет общественного спасения тормозил ход военных действий и не справился со своими обязанностями.

Когда присутствовавшие высказали своё мнение и единогласно осудили деятельность Комитета, Варлен молча набросал на листке бумаги несколько слов:

«9 мая 1871.

Комитет общественного спасения скомпрометировал общественное спасение вместо того, чтобы его обеспечить. Мы требуем уничтожения Комитета общественного спасения». Он передал эту записку соседям. Жоаннар, Тридон и Тейс присоединили свои подписи².

Был создан новый Комитет общественного спасения в составе Ранвье, А. Арно, Гамбона, Эда и Делеклюза.

В качестве члена Военной комиссии Варлен продолжал неутомимо и ревностно заботиться о сбережении государственных средств. 7 мая он поместил в «*Journal officiel*» строжайший приказ, имевший целью положить конец произвольным реквизициям. Варлен возмущался излишними

тратами и расходами. Однажды генерал Эд заказал себе у бывшего императорского портного костюм из дорогого сукна и послал счёт в интендантство с просьбой его оплатить. Варлен вернул счёт с пометкой: «У Коммуны нет денег для дорогих нарядов»¹.

Тем временем антагонизм «большинства» и «меньшинства» Коммуны усиливался. «Меньшинство» демонстративно объявило о своём уходе из Коммуны. «Коммуна, — писали они, — отказалась от своей власти в пользу диктатуры, названной ею Комитетом общественного спасения... Меньшинство... считает, что Коммуна обязана в отношении революционного движения, политического и социального, принять на себя всю ответственность и не имеет права ни от какой ответственности уклоняться, в какие бы достойные руки она ни пожелала её вручить»². Варлен подписался под заявлением «меньшинства».

Этот шаг в такую тревожную минуту, перед лицом стольких опасностей, был несомненно ошибочным. По настоянию Федерального совета Интернационала (заседавшего 17 и 20 мая) все пятнадцать членов «меньшинства» вновь заняли свои места в Коммуне. Они не желали, чтобы их обвинили в дезертирстве. Маркс, который внимательно следил за событиями в Париже, писал в это время Франкелю и Варлену (13 мая 1871 г.):

«Коммуна тратит, по-моему, слишком много времени на мелочи и личные счёты. Повидимому, наряду с влиянием рабочих, есть и другие влияния. Однако, это не имело бы еще значения, если бы вам удалось наверстать потерянное время».

В том же письме Маркс обращает их внимание на грозящую Коммуне опасность со стороны Тьера, заключившего тайную сделку с Бисмарком за огромную взятку. «Так как предварительным условием осуществления их договора было покорение Парижа, то они просили Бисмарка отсрочить уплату первого взноса до занятия Парижа; Бисмарк принял это условие. И так как Пруссия сама сильно нуждается в этих деньгах, то она предоставит версальцам всевозможные облегчения, чтобы ускорить взятие Парижа. Поэтому будьте настороже!»³

¹ M. Foulon, Eugène Varlin, p. 221—222; E. Faillot, Biographie de Varlin, p. 57.

² Louis Fiaux, Histoire de la guerre civile de 1871, Paris 1879, p. 462.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 119.

¹ «*Journal officiel*», 9 mai 1871.

² См. M. Foulon, Eugène Varlin, p. 227.

Не прошло и пяти дней с момента возвращения «меньшинства» в Коммуну, как многотысячная версальская армия вторглась в пределы Парижа. Это произошло 21 мая.

С этого момента в течение всей «кровавой недели» Варлен неотлучно находится на передовых позициях; став во главе 6-го легиона Национальной гвардии, он храбро и стойко сражался и организовывал оборону своего (VI) округа. Варлен «был одним из самых твёрдых», — писал впоследствии Э. Вайян. На следующий день после вторжения версальцев Варлен отдаёт приказ организовать постройку ряда баррикад на улицах Ренн и Вожирар и обеспечить за ними перекрёсток.

С наступлением ночи версальцы армии генерала Сисэ наткнулись на оборонительные сооружения, сделанные согласно этому приказу, и были вынуждены отложить штурм.

Жители западных кварталов Парижа, бомбардируемых или захваченных версальцами, бегут в VI округ (Люксембург). Варлен вместе с членами Коммуны Курбе и Беле приказал предоставить в их распоряжение все свободные помещения, покинутые их прежними обитателями.

Почти весь день 23 мая Варлен отстаивал баррикаду на перекрёстке Круа-Руж и покинул её только тогда, когда весь квартал был почти полностью уничтожен врагом. Затем вместе с Лисбонном и кучкой федератов Варлен упорно дрался на улице Вавен, отстаивая баррикаду, на которую наступали солдаты дивизии генерала Брюа.

24-го Варлен и Лисбонн с федератами перешли на баррикады Пантеона. Увидев, однако, что всякое сопротивление беспечно, Варлен покинул это место и перешёл на другой берег Сены, чтобы защищать XI округ. Там, в мэрии округа, на бульваре Вольтера, собрались остатки доблестных защитников Коммуны. Варлен был в их рядах. В большом зале мэрии заседали около двадцати членов Коммуны, обсуждавших последние мероприятия. Было решено спешно соорудить баррикады на перекрёстке бульваров Вольтера и Ришар-Ленуар, в Шато д'О, внизу улиц Ангулем и Оберкампф. Однако вечером они были вынуждены покинуть площадь Вольтера. Вечером 25 мая после гибели Делеклюза Варлен принял порученный ему пост военного делегата.

Сохранилась следующая запись за его подписью, свидетельствующая о напряжённости и трагичности переживаемого момента:

«Гражданин Ферре.

Я не могу сейчас прислать вам подкреплений, но держитесь во что бы то ни стало. Полковник и штаб 11-го легиона возвращаются в свой округ.

3 ч. 25-го. Э. Варлен. Гражданский делегат по военным делам»¹.

27-го на рассвете Варлен занял помещение на улице Аксо, № 81. Бледный, с впавшими глазами, с дрожащими губами, стоял он там рядом с Валлесом. «Да,— сказал Варлен, как бы предчувствуя недалёкое будущее,— да... нас заживо изрубят в куски. Наши трупы будут волочить в грязи. Тех из нас, кто сражался, убили; пленников убили, раненых прикончат. А если кто-нибудь и уцелеет и его пощадят, то отправят гнить на каторгу. Да — но история в конце концов увидит всё в более ясном свете и скажет, что мы спасли Республику!..»² — закончил Варлен, и его спокойное мужество и врождённое благородство подействовали, как всегда, утешающим образом.

Выйдя оттуда, Варлен присоединился к защитникам баррикады на углу улиц Сен-Мор и Фонтэн-о-Руа. Они дрались целые сутки. Улица Фонтэн-о-Руа! В нескольких шагах отсюда находился дом, где когда-то жил пятнадцатилетний Варлен.

После того как защищать баррикаду на улице Сен-Мор стало невозможно, Варлен перешёл на другую баррикаду — на улицу Рампонно. Защищая её, он дрался, пока у него не истощился весь запас патронов. Тогда он вместе с Гамбоном, сражавшимся с ним бок о бок, оставил баррикады.

28 мая в три часа дня он свалился, измученный голодом и усталостью, на скамью около сквера на улице Лафайет. К сожалению, внешность его слишком бросалась в глаза: густая с проседью шевелюра, откинута назад; длинная, характерная борода — всё это сразу выдавало его. Его опознал священник, одетый в штатское. Через несколько мгновений Варлен уже шагал со связанными за спиной руками, охраняемый военным патрулем 67-го линейного полка, среди ревушей и беснующейся толпы озверевших буржуа, осыпавших его угрозами и проклятиями.

¹ Морис Домманже, Коммунар Варлен, стр. 49.

² Gaston Gille, Jules Vallès 1832—1885. Ses révoltes, sa maîtrise, son prestige, Paris 1941, p. 271.

Наконец, Варлена привели на вершину Монмартра, на улицу Розье, где находился военно-полевой суд. Генерал Лавокупэ приказал: «Отведите его туда, вон за эту стену, и расстреляйте». Когда толпа вместе с арестованным и сопровождавшим его конвоем приблизилась к указанному месту, какой-то буржуа из толпы крикнул: «Слишком рано убивать, пусть его ещё поведут!». Варлена потащили дальше, чтобы продлить его страдания. По требованию одного офицера Варлена решили расстрелять не на улице Розье, а в другом месте.

Даже монархическая газета «Le Tricolore» («Трёхцветное знамя») вынуждена была признать беспримерное мужество и стойкость героя: «Варлен шагал с такой твёрдостью, несмотря на то, что знал о предстоящей ему участи; жутко было даже подумать о столь долгих и томительных его страданиях!».

Наконец, пришли. Это было метрах в пятидесяти от дома № 6 улицы Розье (на перекрёстке улиц Лабонн и Розье). Варлена прислонили к стене и расстреляли.

В течение многих лет тысячи французских пролетариев из года в год чествуют память героя Коммуны Варлена. 8 июня 1913 г. к дому, где родился Варлен (в Клэ-Суйи, департамента Сены-и-Марны), направилась многочисленная манифестация для прикрепления мемориальной доски. В маленькую, тихую деревушку с пением «Интернационала», с красными знамёнами пришли многочисленные колонны рабочих — из Парижа, из Онэ-су-Буа, Шам-сюр-Шари, из Ланьи, из Мо.

При возгласах «Да здравствует Коммуна!» была открыта мемориальная доска с надписью:

«ЭЖЕН ВАРЛЕН

1839—1871

В знак уважения от рабочего класса

11 мая 1913 г.»¹

Таков образ рабочего — члена Интернационала Варлена. Путь, пройденный им, — это путь всего французского пролетариата, руководителем и организатором которого он был. Вместе со всей рабочей массой он «творил свою историю». Творил её «головой и сердцем» (Ленин).

¹ «Humanité», 9 juin 1913.

Отказавшись постепенно от лозунгов прудонистских и бакунистских теорий, он встал на путь классовой борьбы.

Деятельность Варлена и некоторых его единомышленников в Коммуне (а также в последние годы Второй империи) является наилучшей иллюстрацией того, что главные партии Коммуны, в частности прудонисты, «словно по иронии истории», делали в Коммуне диаметрально противоположное тому, чему учил их учитель и идеолог; прудонизм учил рабочих избегать политической борьбы, а рабочие Парижа самым активным образом включились в политику. Прудонизм отрицал государство, а они создали своё рабочее государство. Прудонизм не признавал никаких законодательных мер для улучшения экономического положения рабочих, а рабочие Коммуны провели ряд именно таких мероприятий.

«Мы останемся верными и преданными Интернационалу»¹, — заявлял Варлен.

Эту клятву он выполнил с честью.

«Генеральный совет гордится выдающейся ролью, — писал спустя некоторое время К. Маркс, — которую парижские секции *Интернационала* сыграли в славной парижской революции. Дело не в том, как воображают глупцы, будто Париж или какая-либо другая секция Интернационала получали *приказы* из центра. Но так как цвет рабочего класса во всех цивилизованных странах принадлежит к *Интернационалу* и проникнут его идеями, то он во всех движениях рабочего класса несомненно должен играть руководящую роль»².

Своей кипучей деятельностью Варлен помог парижским секциям сыграть выдающуюся роль в славной парижской революции 1871 г. и сам пал жертвой палачей-версальцев, пал за Коммуну. Образ его всегда останется одним из самых светлых, самых трогательных, самых благородных.

¹ «Humanité», 8 juin 1913.

² К. Маркс, Второй набросок «Гражданской войны во Франции».